

Покои господ в поместье Цуй преобразились. Слуги один за другим разносили по дворам наборы изысканной жуской керамики, извлечённой из глубоких хранилищ, и драгоценную утварь из лакированного дерева, украшенную резьбой в виде священных зверей. К каждому набору прилагались свитки с описанием сложных способов приготовления блюд: томления, тушения, варки и обжарки на огне.

Столетний клан всегда жил по строго заведённым правилам. Для каждого времени года и каждого случая существовали свои наряды, ткани и посуда. Тонкости кулинарного искусства и повседневного быта тщательно записывались и хранились в архивах, передаваясь из поколения в поколение как часть родового наследия.

Цуй Люй отобрал то, что было уместно и необходимо сейчас. По его приказу вещи отмыли, начистили до блеска и распределили между домочадцами.

Поначалу служанки лишь изумлённо таращили глаза и охали, не в силах скрыть восторга при виде таких диковин. Но когда тюков и ящиков стало слишком много, а руки и ноги начали ныть от бесконечной беготни, изумление сменилось тупым оцепенением. На их лицах уже не отражалось ничего — разум просто отказывался осознавать масштаб происходящего.

Что стряслось с хозяином? Неужто он решил вскрыть все закрома ради того, чтобы внуки жили в роскоши?

Но это было... слишком. Как это назвать? Богатство? Знатность? Излишество?

Да, Цуй Люй сорил деньгами так, словно завтрашнего дня не существовало.

Но кто мог сказать, откуда взялись эти вещи, явно имеющие почтенный возраст? Слуги несли их с замиранием сердца, боясь даже дышать на хрупкий фарфор. О боги, если кто-то хоть край отколет или, упаси небо, вдребезги расшибёт — жизни не хватит расплатиться! Кто покроет такой убыток? Никто!

Тревога передалась и хозяевам дворов. Получая дары, они чувствовали себя не в своей тарелке, не понимая, стоит ли выставлять эти сокровища напоказ или же использовать в быту. Даже шаги в комнатах стали тихими и осторожными.

Истинное изящество. Полный сервиз, дополненный предметами для украшения стола, заставлял даже обычные палочки для еды выглядеть верхом совершенства.

Впрочем, палочки были вовсе не обычными — из слоновой кости и белого нефрита. Они были символом принадлежности к высшему сословию, а не простой утварью.

«Неужели обычная трапеза требует такой торжественности? — подумал Юаньши. — Батюшка, помилуйте!»

Цуй Юаньши не выдержал. Поддавшись умоляющему взгляду жены, он отправился к отцу.

В это время Цуй Люй как раз пересчитывал в сокровищнице «четыре драгоценности кабинета». Он внимательно осматривал чернильные камни чэнни и тао, перебирал листы бумаги в промасленной упаковке. Это была «сюань» — королева бумаг, пролежавшая в хранилище почти век. Рядом стояли сундуки из камфорного дерева, защищающие содержимое от сырости и насекомых, — всё свидетельствовало о невероятной ценности этих запасов.

Юаньши застыл на пороге, не решаясь войти в комнату отца.

Цуй Чэн, руководивший грузчиками, заметил его:

— Старший молодой господин? Вы к хозяину? Как раз вовремя, он тоже хотел вас видеть.

Цуй Люй, привлечённый шумом у дверей, поднял взгляд и увидел ошеломлённого сына.

— Заходи, взгляни, — поманил он его. — Только что откопал в закромах. Подумал, что тебе и Фэн-эру это нужнее. Решил всё разобрать и велеть перенести в ваши кабинеты.

Юаньши поджал губы. Он хотел отказаться, хотел сказать, что им с сыном хватит и обычных кистей да бумаги. То, что лежало перед ним, было слишком совершенным. О такой бумаге и камнях он читал лишь в старинных трактатах. Фэн-эр, верно, даже не знает, на какие ранги делятся чернильные камни. Тратить такие сокровища на них казалось преступлением против искусства.

Цуй Люй видел сомнения сына и понимал его внутреннюю борьбу. Но он извлекал эти вещи не ради хвастовства. Его целью было воспитать в детях дух благородства и приучить их к достоинству.

Всё началось с недавнего семейного обеда. Еда стала дороже и вкуснее, но люди, сидящие за столом, жались и не решались поднять палочки. Они словно боялись упустить выгоду и в то же время страшились прикоснуться к роскоши. Это была психология бедняков, которые вечно оглядываются назад, боясь, что завтра им будет нечего есть.

Люй понимал: всё это — плод многолетней скупости и мелочности. Когда в карманах пусто, человек привыкает экономить на всём, и перед лицом истинной красоты в нём просыпается чувство неполноценности.

Хотя дети и выросли в богатом доме, у них не было прямой осанки. Женщины могли сидеть в четырех стенах, избегая сравнений, но мужчинам предстояло выходить в мир. Излишняя

скромность и зажатость могли выдать их незнатное происхождение с головой. Если завтра им суждено стать чиновниками, любая мелочь в их поведении позволит окружающим увидеть их «дно». Поэтому он должен был окружить их роскошью, чтобы она пропитала их, стала частью их естества.

Статус человека в мире держится на трёх столпах: одеянии, осанке и окружении. Первое и третье можно купить за деньги прямо сейчас. Но осанка, внутренний стержень и величие не появятся без долгого воспитания. Как гласит старая мудрость: «Надень на простолюдина императорский халат — принцем он всё равно не станет». Слишком много в нём останется от прежней жизни.

Поэтому после семейного ужина он занялся пересмотром всего бытового уклада. От обеденных столов и курильниц до жаровен и ширм — всё было выбрано из родовых сундуков. Удивительно, но запасов предков хватило на всех, и никто не остался обделённым.

Цуй Люй остался доволен. Свитки с рецептами, переданные невесткам и дочерям, были ясным сигналом: готовьте изысканно, не считайте каждый грош. Еда не разорит их родовое имение.

Он жаждал благородства во всём — не того внезапного и крикливого чванства выскочки, а спокойного величия скрытой аристократии, которое его дети должны были постепенно вернуть.

Утратить класс? Позволить другим вытирать об себя ноги?

Этому не бывать!

Отныне его дети должны привыкнуть к этой умеренной роскоши. Они должны чувствовать, что достойны всего самого лучшего. В их сердцах должна укорениться вера: они знатны по праву рождения.

Знатны жизнью, знатны характером, знатны положением и достоинством.

И если судьбу нельзя изменить, он хотел, чтобы его дети прожили эту жизнь сполна, наслаждаясь каждым её мигом.

«Пища не может быть слишком изысканной, мясо не может быть нарезано слишком тонко» — вот какой смысл он вкладывал в кулинарные наставления для невесток. Отныне не только на малых кухнях, но и на общей кухне клана всё должно было измениться. Расходы на еду удвоились, число прислуги — тоже.

Цуй Чэн почтительно поклонился:

— Господин, из лавки работоторговца привели людей.

Цуй Люй махнул рукой:

— Пусть старшая невестка сама отберёт прислугу. Серебро возьмёте из кассы переднего двора.

Цуй Юаньи слушал это с замиранием сердца. Когда дворецкий ушёл, он наконец обратился к отцу:

— Батюшка, не слишком ли это... — он запнулся, подбирая слово, — расточительно?

Люй легонько погрозил ему пальцем:

— У меня всё под контролем. Твоё дело — усердно учиться. А когда будет время, побудь с Пятым. Как только я закончу здесь дела, он отправится в путь. Юаньи, отныне вы с братьями будете видаться редко. Но запомни: при любых обстоятельствах ты должен поддерживать Цзикана. И он будет поступать так же — я ему об этом ещё скажу. О доме не беспокойся. Я полон сил и смогу прикрывать вас ещё лет двадцать, пока Фэн-эр не возмужает. Вот тогда мы и передадим дела молодым. Хе-хе, наше наследие — это не только поля да пашни, как ты привык думать!

С этими словами он похлопал сына по плечу и указал на два подготовленных ящика.

— Это для тебя и Фэн-эра. Пользуйтесь, не жалейте. Как закончится — идите к дяде Чэну, пусть открывает кладовую. У нас этого добра вдоволь!

В этом властном и щедром человеке было трудно узнать того, кто ещё недавно сокрушался над каждой потраченной монетой.

Цуй Люй с наслаждением разбирал сокровища, которые называл «мягким золотом», и его совершенно не заботили подозрения сына или чьи-то перешёптывания за спиной.

Он понял одну вещь: когда меняется настрой, любую печаль можно унять деньгами. Раньше он был несчастен, потому что тратил слишком много. Теперь он счастлив по той же самой причине. Что же до накоплений... честно говоря, сколько бы все они ни тратили, разорить их клан было невозможно. Если только не случится налёта или конфискации. Так почему он раньше так изводил себя?

К чёрту всё!

Цуй Люй и не думал скрывать перемены в доме. Те из сородичей, кто был поумнее, давно всё поняли, глядя на бесконечные закупки. Количество продуктов и их разнообразие росли с каждым днём. Траты текли рекой, появлялись новые слуги, а рядом с господами теперь мелькали незнакомые лица. Всё указывало на одно — глава клана Цуй открыл казну!

Старый Цуй больше не скупился!

Посмотрите на тележки, что каждое утро въезжают в боковые ворота. Они доверху набиты добром. Разве можно всё это съесть?

Конечно, нет. А куда же деваются остатки?

О, их раздают нищим уездным попрошайкам!

— Что-о-о?!

Все сородичи, следившие за поместьем, лишились дара речи. Совсем недавно их лишили доходов с полей «Благодатной помощи», и они гадали, как пережить осень. А в это время глава клана не только пирует сам, но и кормит городских бродяг! Так кто же они тогда такие? Что значат те, кто день и ночь спину гнёт на общих землях?

Они что, хуже нищих?

Это уж слишком!

Нужны объяснения! Немедленно!

Так в тени начала зреть буря — поход недовольных сородичей против Цуй Люя.

Цуй Гу, второй господин, не желал до конца дней своих гнить с женой в захолустном поместье. Он решил нанести последний удар.

Цуй Юаньчи, который и нашептал ему о том, что Люй якобы транжирит родовое имущество, тихонько выскользнул из толпы заговорщиков. Он покорно согнул спину и, изображая крайнюю робость, отвесил низкий поклон в сторону поместья Цуй. Под насмешливыми взглядами товарищей он скрылся за углом.

Цуй Гу, провожая его презрительным взглядом, сплюнул:

— Трус. Неудивительно, что старший так его придавил, что тот и на экзамены выйти не смеет. С такой рабской душонкой на службе и дня не продержишься — мигом в шею погонят.

Стоявший рядом родственник, которого Гу крепко держал за локоть, нервно сглотнул:

— Ты уверен, что брат тронул родовую казну? Второй брат, если ты и в этот раз промахнёшься, он тебя точно из клана вышвырнет. Не потяни нас за собой.

Цуй Гу вскинул голову, топорща бороду:

— Я сам видел! Юаньчи хоть и ничтожество, но следить умеет отменно, глаз у него острый. Я сам у сокровищницы караулил и видел, как этот пес Чэн охапками вещи выносит. Пусть бы он на свои деньги дочерям приданое собирал, но родовое добро трогать я не позволю! Седьмой, это имущество общее, у каждого из нас там доля есть. С какой стати он один распоряжается? По-твоему, это справедливо? Он дома пиры устраивает, а мы холодные маньтоу водой запиваем. Где правда?

К концу своей речи он почти кричал, брызжа слюной. Седьмой поспешно отступил на пару шагов.

— Ну, ты загнул, конечно... Холодные маньтоу едят только те, кто совсем обленился. Мы круглый год с урожая сыты. Старший... хоть и прижимист в деньгах, но в зерне никого не обидел...

Цуй Гу в гневе упёр руки в бока:

— Ты на чьей стороне? Что ты за него заступаешься? Разве не ты хотел себе новый дом из синего кирпича построить? На какие шиши строить собрался, если денег нет?

Седьмой втянул голову в плечи:

— Да вот слухи ходят... Говорят, власти в Цзянчжоу откроют новые кирпичные заводы. Технологии с Севера привезли — там выход годного кирпича под девяносто процентов. Обжиг куда лучше, чем в наших местных печах. Синий кирпич подешевеет. Говорят, на те деньги, что раньше один дом строили, скоро три можно будет поставить. Второй брат, может, не надо шуметь? Вернулся бы ты по-хорошему к жене в усадьбу...

Цуй Гу в упор посмотрел на него:

— Ты мне брат или кому? Если бы не он, я бы сейчас главой был! Эх, батюшка с матушкой слишком добры были — пригрели на груди змею неблагодарную.

Лицо Седьмого изменилось, в голосе зазвучала мольба:

— Брат, ну сколько можно это старьё ворошить? И потом, если бы Люй тогда не выбрал нашу семью, разве родители смогли бы нас выводить? Мы же его милостью живы остались. Ты... как у тебя язык поворачивается...

Глаза Цуй Гу налились кровью, он прошипел сквозь зубы:

— Мы оба законные дети! Почему дед-старейшина выбрал его, а не меня? Чем я хуже?

Седьмой долго молчал, прежде чем ответить:

— Тем, что старый глава был ему родным дядей, а нам — лишь двоюродным. Брат, ты до сих пор не понял? В этой ветви преемника ищут только среди ближайшей крови. Законный законному рознь. Если и винить кого, так только брата Юна — зачем он умер так рано!

В те годы жена старейшины, наслушавшись какого-то бродячего даоса, заявила, что присутствие Люя в доме вредит здоровью их сына Юна. Мальчика отослали на воспитание в другую семью. Но Цуй Юн всё равно скончался в расцвете лет. Ветвь старейшины пресеклась. Чувствуя вину перед Люем, старик передал ему пост главы клана. Не прошло и полугода, как старики один за другим отошли в мир иной.

Цуй Люй, как преданный внук, носил по ним траур и устроил достойные похороны. Позже он так же проводил в последний путь и своих приемных родителей, пообещав вечно заботиться о братьях. Во всём клане никто не мог бросить ему упрёк — он исполнил свой долг до конца.

Но Цуй Гу не мог смириться. Десятилетиями он копил обиды и искал повода уязвить брата. Его бесконечные каверзы могли бы рассорить кого угодно, но Люй долго терпел. Терпение лопнуло лишь тогда, когда Гу попытался внести раздор между братьями в главном доме. Только тогда глава в гневе запретил ему даже порог поместья переступать.

Вернувшись, Цуй Гу долго не мог прийти в себя, а затем отправил срочное письмо брату Цуй Юю, который служил регистратором в управе префектуры.

Годы бесплодной борьбы с Люем превратили его упрямство в одержимость. В глубине души он до смерти боялся брата, но не мог удержаться от провокаций. Теперь, когда у него на руках был компромисс, а рядом — брат-чиновник, он верил: в этот раз Люй не посмеет так с ним обойтись.

Сам Гу был никем, но его брат Цуй Юй — должностное лицо седьмого ранга, настоящий чиновник.

Если удастся доказать, что Люй запустил руку в казну клана, его можно будет сместить с поста главы.

Цуй Юй, обманутый письмом брата о «скорой кончине», поспешил домой. Когда же он узнал истинную причину вызова, толпа недовольных, подстрекаемая Гу, уже стояла у ворот главного поместья. Юй пришёл в ярость. Оглядевшись, он увидел, что лишь его непутёвый брат лезет на рожон, а остальные старейшины и родичи, обещавшие поддержку, трусливо жмутся в стороне.

Он был готов провалиться сквозь землю. Его брат — непроходимый идиот!

— Моё назначение на этот пост полмесяца назад устроил именно старший брат Люй! Ты хочешь, чтобы я прослыл неблагодарным подлецом?

Прежде чем Цуй Гу успел выдать очередную тираду, двери поместья распахнулись. Цуй Люй, облачённый в тёмно-синие одежды, не спеша вышел навстречу толпе. Глядя на разгневанных сородичей, он мягко улыбнулся. Его голос звучал почти дружелюбно, а глаза опасно сузились:

— Как вовремя. У меня как раз есть объявление. Зачем откладывать? Считайте, что сегодня мы проводим общее собрание клана!

Он повысил голос, обращаясь к тем, кто прятался в чайной на противоположной стороне улицы:

— Третий дядя! Пусть ваш внук сбегает и передаст всем: у меня есть важное дело. Собираемся в родовом храме для... обсуждения!

Спрятавшийся в чайной старик густо покраснел. Под взглядами толпы он поспешно увёл внука. Цуй Люй кивнул Юю:

— Ты все дела в управе уладил? Оставайся дома на несколько дней.

Цуй Юй, сгорая от стыда, низко поклонился брату:

— Старший брат, я планировал навестить вас в свои выходные, но... Брат, прошу прощения за Второго, он...

Цуй Гу грубо оттолкнул его и шагнул к Люю:

— Оставь свои извинения! У меня один вопрос...

Цуй Люй вскинул бровь. Выбежавшие следом Юань и Цзикан были в ярости. Они велели слугам встать по обе стороны, пока Гу чеканил слова:

— Ты тратил доходы с клановых земель? Запускал руку в общую казну?

Собравшиеся сородичи — кто с палками, кто с бамбуковыми прутьями, а кто и с увесистыми комьями земли — замерли в ожидании ответа.

Цуй Люй холодным взглядом смерил Гу.

— Какую цену ты готов заплатить за мой ответ? Не думаешь же ты, что я стану отчитываться

перед тобой просто так? Это неуважение к главе, Цуй Гу. Ты раз за разом испытываешь моё терпение. Ты ведь знаешь последствия... Впрочем, сыновний долг, который я чувствовал перед твоими родителями, был исчерпан в тот день, когда я выставил тебя за ворота. Ты уверен, что готов ответить за свои слова?

Цуй Юй изо всех сил пытался оттащить брата, но тот был непоколебим. Вспомнив всё, что видел долгими ночами в засаде, Гу выпрямился. Его глаза лихорадочно блестели.

— Если я прав — ты сам сложишь полномочия главы клана! Если нет... поступай со мной как знаешь!

Цуй Люй опустил взгляд. Через мгновение он негромко хлопнул в ладоши и кивнул:

— Идёт. Ты сам это сказал. Я не буду судить тебя в одиночку. Когда мы закончим в храме, если больше половины старейшин и сородичей поддержат тебя — я уйду с поста и покину этот дом. Но если поддержка окажется меньше половины... ты будешь изгнан из клана. И более никогда не посмеешь называть себя потомком рода Цуй.

Цуй Гу на мгновение замер, а затем его лицо озарила безумная радость. Он знал: из-за отмены выплат сородичи сейчас затаили на главу злобу. Они лишь молчат, боясь его власти. Сегодня пришла лишь горстка людей, но он никогда ещё не был так уверен в себе. Он верил, что за ним пойдёт большинство.

— Хорошо! Я согласен! И смотри, держи слово!

<http://bllate.org/book/16118/1583138>